

Глава 13

Первой мыслью Цянь Яо, когда он услышал эту новость, был протест.

«Нет»

События прошлой ночи всё еще были свежи в памяти, и юноша с ужасом осознал, как сильно он, оказывается, ненавидит бессонные бдения. Однако, как бы он ни протестовал в душе, выбора у него не было. В этом мире он был лишен права на отказ. Смертельно неохотно, едва переставляя ноги, он поплелся к императорским покоям, добравшись туда лишь тогда, когда небо окончательно поглотила тьма.

К его облегчению, государь сегодня решил отойти ко сну пораньше. Когда Цянь Яо переступил порог, монарх только закончил принимать ванну.

Юноша невольно выдохнул. Какую бы новую пытку ни уготовил ему собачий император, по крайней мере, сегодня ему не пришлось прислуживать при его омовении.

Заметив вошедшего, Ци Ань мазнул по нему ленивым взглядом и, опустившись на край постели, бросил коротко:

— Чаю.

Цянь Яо мысленно закатил глаза.

«Только явился, а этот уже начал командовать»

Впрочем, недовольство никак не отразилось на его движениях. Сноровисто орудуя у чайного столика, он вскоре поднес государю чашу с напитком идеальной температуры.

Ци Ань принял чай, но пить не спешил. Он неспешно помешивал настой крышечкой, разгоняя чайники, и лишь спустя долгое время сделал крохотный глоток, после чего вернул чашу слуге.

Теперь Цянь Яо окончательно убедился: жажда тут была ни при чем. Этому невыносимому человеку просто хотелось лишний раз подчеркнуть свою власть. Что ж, лишь бы эта сиятельная особа поскорее улеглась спать, тогда и он сможет хоть немного передохнуть.

Судьба, казалось, впервые за долгое время решила прислушаться к его мольбам. Стоило ему об этом подумать, как монарх распорядился готовить ложе.

Служанки привычными движениями расправили тяжелые расшитые занавеси, погасили

светильники у драконьего ложа, и опочивальня погрузилась в уютный полумрак.

Юноша уже собрался было незаметно выскользнуть из комнаты, надеясь пристроиться где-нибудь в уголке, но не успел он сделать и шага, как голос императора заставил его замереть:

— Принеси мягкую подушку с кресла.

Не понимая, зачем монарху понадобилось сиденье, расшитое золотыми и серебряными нитями, Цянь Яо послушно исполнил приказ.

Он ожидал, что Ци Ань подложит его себе под спину, но государь лишь небрежно указал рукой вниз:

— Положи на пол.

Юноша на мгновение засомневался, не ослышался ли он. Он замер, не решаясь действовать, пока не встретился взглядом с императором. Лицо того было бесстрастным — он не шутил. Цянь Яо осторожно опустил мягкую подушку у самого края ложа.

Он уже хотел было осведомиться о дальнейших распоряжениях, как вдруг почувствовал, что его правая ладонь оказалась в плену. Знакомый ледяной холод мгновенно охватил пальцы. Ци Ань, разделенный с ним лишь тонким слоем шелкового полога, крепко сжал его руку — точно так же, как и прошлой ночью.

— Ваше Величество?..

Цянь Яо растерялся, но вырваться не посмел. Позвал он государя тихо, с затаенной тревогой.

Сквозь полупрозрачную ткань занавесей лица Ци Аня было не разглядеть, юноша видел лишь его силуэт — тот уже лежал на боку. Голос монарха звучал глухо, в нем сквозила непривычная усталость:

— Просто дай мне подержать твою руку... Еще немного.

В памяти Цянь Яо тут же всплыли давешние слова.

«Так тепло»

«Так я для него теперь — живая грелка?» — промелькнула ироничная мысль.

Но почему именно его рука? Во дворе наверняка нашлись бы сотни желающих удостоиться

такой чести. Юноша долго ломал над этим голову, но, так и не найдя ответа, бросил это занятие и просто опустил на подушку.

Хоть император и не сказал об этом прямо, сиденье явно предназначалось для него. Впрочем, особой благодарности Цянь Яо не испытывал. Если бы собачий император не переставил его смену, он бы сейчас нежился в постели, а не сидел на полу у чужих ног.

Однако, смирившись с участью, он признал, что на подушке сидеть куда приятнее, чем на голом полу. А поскольку государь не выпускал его руку, Цянь Яо больше не нужно было вскакивать каждые полчаса. Эта ночь прошла для него чуть спокойнее, чем предыдущая.

Впрочем, «чуть» — ключевое слово. Даже на самом мягком пуфе сон в сидячем положении трудно назвать полноценным отдыхом. Юноша до последнего надеялся, что это лишь мимолетная прихоть, но утро разбило его иллюзии.

Едва наступил час Мао, в покои вошел главный управляющий Мо, чтобы разбудить императора.

Цянь Яо вздрогнул, выныривая из дремы. Его рука, которую монарх сжимал всю ночь, совершенно онемела — кровь почти перестала циркулировать. Потребовалось немало времени, прежде чем пальцы снова начали что-то чувствовать.

Он едва держался на ногах от усталости, единственным его желанием было услышать заветное позволение уйти. Наконец государь поднялся, и Цянь Яо уже приготовился было поклониться и исчезнуть, как Ци Ань, словно невзначай, добавил:

— Отныне ты будешь дежурить по ночам постоянно.

Остатки сна мгновенно улетучились. Юноша так и застыл на месте, пораженный этой новостью.

Едва не сорвавшееся с губ ругательство он подавил титаническим усилием воли. Лишь разум удержал его от непоправимого.

— Слушаюсь, — выдавил он в конце концов.

Цянь Яо поник, точно подбитый морозом росток. Его чувства были слишком очевидны, и Ци Аню не нужно было обладать даром чтения мыслей, чтобы заметить это.

— Недоволен? — с едва заметной усмешкой спросил государь.

Лишь тогда юноша вспомнил о своем положении. Он поспешно замотал головой и выдавил из

себя подобие улыбки, больше похожей на гримасу боли.

— Что вы, Ваше Величество! Прислуживать государю — высшая милость для вашего покорного слуги.

Раньше Ци Ань больше всего на свете ненавидел лицемерие, но, глядя на этого насквозь фальшивого маленького человечка, он почему-то не чувствовал и тени гнева.

Ему хотелось еще немного подразнить юношу, но он понимал, что ночь, проведенная в таком положении, не прибавила тому сил. В конце концов он не стал его задерживать.

— Ступай, — бросил он коротко.

Цянь Яо только этого и ждал. Стоило монарху договорить, как юноша, подобно вырвавшейся из клетки птице, поспешно покинул покои.

Проспав вчера почти весь день, Цянь Яо сегодня чувствовал себя вполне бодрым. Для отдыха ему хватило всего нескольких часов.

Когда он проснулся, на столе его ждал уже знакомый лакированный короб. На этот раз еду принес не Гунгун Ань, а рядовой служитель с императорской кухни. Сяо Фуцзы сообщил ему, что отныне Цянь Яо может не обедать в общей столовой — еду ему будут доставлять лично.

Конечно, возможность забыть о баланде из репы радовала, но перспектива вечных ночных бдений омрачала любое удовольствие.

«Надо же быть таким одаренным, — угрюмо думал юноша, — каждый божий день этот собачий император выдумывает новые способы поиздеваться надо мной»

Мысль о том, что отныне он лишен нормального сна, заставила его снова задуматься о побеге. Может, и впрямь стоит рискнуть всем и уйти вместе с Лу Яньчжоу? Но холодный рассудок быстро остудил его пыл.

«Спокойно. Надо всё еще раз хорошенько обдумать»

Из-за этих тяжелых мыслей ужин не лез в горло. Съев лишь пару кусочков, Цянь Яо отдал остальное Сяо Фуцзы и Сяо Цюаньцзы, сидевшим в той же комнате.

Заметив его мрачный вид, Сяо Фуцзы осторожно поинтересовался:

— Цянь Яо, тебя что-то тревожит?

Юноша готов был выплеснуть целое море жалоб, но вовремя прикусил язык. Он лишь молча покачал головой. Сяо Фуцзы не стал настаивать, лишь неловко подбодрил:

— Не грусти, всё обязательно наладится.

От этих слов на душе стало еще горше. Наладится ли?

Наступила ночь, и он снова явился на дежурство. Едва переступив порог опочивальни, он сразу заметил перемену. У самого подножия драконьего ложа теперь лежал плотный матрас. Совсем новый, набитый мягким хлопком, он выглядел на редкость удобным.

Цянь Яо сразу понял, для кого это приготовлено. Но радости не ощутил. Ему хотелось горько усмехнуться.

«Какая, в сущности, разница между мной и собакой? Те точно так же спят у ног хозяина»

Проклятое феодальное общество... Здесь его и за человека-то не считают.

Но, как бы ни протестовало его сердце, стоило государю лечь, Цянь Яо послушно устроился на матрасе и сам протянул руку.

Едва коснувшись подушки, император увидел ладонь, протянутую к нему. Настроение его необъяснимо улучшилось, и он перехватил ее ответным жестом.

Кожа маленького евнуха была удивительно нежной, точно он сжимал комок теплого рисового теста. Совсем не похоже на руки слуги. Лишь в богатых домах, где дети росли в неге и роскоши, могли сохраниться такие ладони. Впрочем, Ци Ань прекрасно знал, что юноша перед ним — вовсе не простого звания. Вся подноготная его семьи за последние дни была изучена до мельчайших подробностей.

Цянь Яо, младший сын из благородного рода Цянь... Когда семья пала в немилость, его пощадили лишь из-за юного возраста, обратив в евнуха. Редкий отпрыск знатного сословия смог бы перенести такое падение, не сломавшись, но этот молодой господин, казалось, давно ко всему привык. Даже в рабстве он ухитрялся сохранять жизнелюбие; он мог весь день сидеть сияющим, если ему давали вкусное пирожное. Он был подобен яркому зимнему солнцу.

Ци Ань невольно улыбнулся своим мыслям. Это сравнение показалось ему на редкость точным — юноша и впрямь напоминал солнце, к которому невольно тянешься, чтобы согреться.

С этой мыслью государь чуть крепче сжал его пальцы, ощущая, как тепло непрерывным

потоком перетекает в его ладонь.

Разомкнув веки, Ци Ань посмотрел в сторону. Цянь Яо сидел на полу, подперев подбородок свободной рукой. Судя по отсутствующему взгляду, он о чем-то глубоко задумался. Из-за этой позы рукав его халата сполз вниз, обнажая тонкое, ослепительно белое запястье.

Линия его руки была безупречна, точно нарисованная тушью на шелке, лишь у самой косточки кисть изящно сужалась.

Странно. Во дворце было полно людей, чью помощь он мог бы использовать, но почему-то лишь прикосновение этого юноши не вызвало у него отвращения. Ци Аню было всё равно, что слуга лишится сна по его прихоти — в конце концов, это был всего лишь евнух.

С этой мыслью он снова закрыл глаза, но сон сегодня не шел. Жар, исходящий от ладони Цянь Яо, был слишком ощутимым, ежесекундно напоминая о присутствии человека рядом.

«Снова витает в облаках. Никогда прежде не видел слуг столь рассеянных»

В нем вновь проснулось то странное любопытство, которое удивляло его самого. С чего бы ему так интересоваться мыслями простого евнуха? Наверняка тот только с виду кажется кротким, а в душе прокликает его на чем свет стоит. Тратить силы и терпеть боль ради того, чтобы заглянуть в мысли какого-то слуги, было верхом безрассудства. Но Ци Ань не мог совладать с собой.

Вскоре знакомая острая боль пронзила его разум. Император болезненно зажмурился. Стиснув зубы, он ждал, пока утихнет это невыносимое чувство, похожее на тысячи иголок, вонзающихся в мозг. И вот, наконец, сквозь пелену боли до него донесся знакомый голос.

«Сбегу — не доживу до рассвета. Останусь — чую, тоже долго не протяну»

«Бежать или нет? Вот в чем смертельный вопрос»

<http://bllate.org/book/15347/1416576>